

Пока Сюй Ци вежливо отделялся от девушки с ресепшена и спускался в лифте, в его голове за одну минуту пронеслась буря мыслей.

Обращение «маленький директор Цзян» звучало довольно тепло – похоже, Цзян Яня действительно любят подчиненные, а такое среди начальников встречается нечасто.

Он ведь закончил университет совсем недавно, верно? Добиться такой должности за столь короткий срок – значит, он очень хорош в своем деле. Одного усердия тут мало.

Или компания как-то связана с его семьей?

Он смутно помнил, что семья Цзян была довольно обеспеченной. Но раньше Сюй Ци такие вещи совершенно не интересовали: даже когда он принял признание Цзян Яня, он не расспрашивал его о достатке родителей.

Зачем скрывать должность?

Боялся, что Сюй Ци почувствует себя ущемленным из-за огромной разницы между ними?

Один – перспективный молодой топ-менеджер, другой – обычный курьер, каких тысячи. Казалось, они из разных миров.

Сюй Ци посмотрел на свою рабочую форму и криво усмехнулся. Это была правда. Любой со стороны сказал бы то же самое.

Только Цзян Янь упрямо продолжал гнуть свою линию, словно одержимый.

В юности Цзян Янь был одинок, и Сюй Ци был его единственным другом, за которого он мог держаться. Но теперь Цзян Янь успешен, и у него, очевидно, есть варианты получше.

Сюй Ци глубоко вздохнул, подавляя разбушевавшиеся чувства. Он взглянул на небо: близились сумерки, поток машин становился гуще – скоро час пик.

Сегодня выходной, и Цзян Янь отдыхает дома, а у Сюй Ци только начинается самый сложный период смены.

Цзян Янь, вероятно, сейчас готовится к ужину: дома или в ресторане. После еды пойдет гулять с собакой, будет отдыхать. А Сюй Ци предстоит развозить заказы до восьми вечера, и только тогда у него будет десять-пятнадцать минут, чтобы перехватить что-нибудь в дешевой забегаловке.

Внезапная усталость навалилась на плечи. Сюй Ци сел на скутер и вдруг почувствовал, что у него нет сил даже повернуть ручку газа. Он посмотрел на себя в зеркало: оттуда на него глядело знакомое, но ставшее чужим лицо. В нем не осталось и следа бывшего задора и уверенности – лишь усталость человека, смирившегося со своей участью.

Они с Цзян Янем не пара. Цзян Янь молод, перед ним открыты все дороги, он может достичь еще больших высот.

А путь Сюй Ци зашел в тупик.

Что ж, эта внезапная новость пришла вовремя: она вылила на него ушат холодной воды, заставив протрезветь прежде, чем он окончательно утонет в своих чувствах.

Вернувшись в свою каморку в половине десятого, Сюй Ци был весь в поту. Смена прошла без сучка и задоринки, но он чувствовал себя выжатым как лимон. Сил не хватало даже на душ; он в изнеможении рухнул на кровать и мгновенно провалился в беспокойный сон.

О чем думаешь днем – то снится ночью.

Ему приснился Цзян Янь.

Восемнадцатилетний Цзян Янь был на полголовы ниже его, и на нем вечно не заживали синяки. Они учились в разных классах, но на одном этаже. До того как они познакомились, Сюй Ци изредка встречал его в коридоре.

Сюй Ци всегда окружала толпа друзей, а Цзян Янь вечно бродил в одиночестве: ссадины на лице, плечи втянуты, голова опущена. Он просто проходил мимо.

Каждый раз Сюй Ци подмывало окликнуть его, спросить, что случилось. Но вокруг было слишком много одноклассников – спрашивать о таком при всех было бы жестоко, Цзян Яню стало бы неловко.

Поэтому оклик «эй, парень» так и не прозвучал, оставшись занозой в памяти.

Так продолжалось до того дня, когда Сюй Ци, бесцельно бродя по школе после уроков, наткнулся на стайку хулиганов и зажатого в угол Цзян Яня.

В своей параллели Сюй Ци был своего рода знаменитостью, поэтому он легко разогнал шпану и увел Цзян Яня с собой.

Он обработал ему раны и приютил у себя, когда тот побоялся идти домой. Тогда же он узнал его имя и класс, самонадеянно пообещал: «Если что – ищи меня», и стал частенько ошиваться у дверей его кабинета.

Так они и сблизились – само собой.

Почему-то Сюй Ци всегда больше тянуло не к равным собеседникам, а к тем, о ком нужно было заботиться. Цзян Янь был именно таким – тем, за кого всегда болело сердце. Сюй Ци любил смешить его, любил объяснять непонятные задачи, любил занимать все его свободное время, чтобы школьные задиры не могли до него добраться.

В те времена Сюй Ци часто подпирал щеку рукой и смотрел на него снисходительным взглядом умудренного опытом старшего. Когда Цзян Янь спрашивал, в чем дело, тот со смехом щелкал его по лбу и говорил: «Ты только попробуй не выбиться в люди – пусть все эти придурки потом лопаются от зависти».

Цзян Янь справился.

Сюй Ци спал чутко; даже во сне он хмурился, смутно осознавая: он должен радоваться за Цзян Яня.

Но почему же на душе так паршиво? Он не понимал.